

ВРЕМЯ СТИХОВ И ВРЕМЯ ПОЭТОВ

Их называли «шестидесятниками», поскольку невиданный успех и оглушающая слава, выпавшие на долю этих «счастливиц», пришлось на 60-е годы минувшего века. Никогда ее Величество Поэзия не пользовалась такой безумной популярностью у огромной массы людей – ни в масштабах бывшего Советского Союза, ни вообще нигде во всей мировой истории. Поэты ходили королями, их выступления перед народом собирали не только концертные залы, но и футбольные стадионы с тысячами мест, их книги расходились тиражами в десятки тысяч экземпляров, а вечера на телевидении приковывали к себе интерес многомиллионной аудитории. Они были трибунами, кумирами всех поколений, чуть ли не мессиями – в отличие от «тихих лириков», таких как Николай Рубцов или, к примеру, Вероника Тушнова, живших с ними в одно и то же время.

Самые знаменитые из «шестидесятников» – Евгений Евтушенко, Андрей Вознесенский, Роберт Рождественский, Белла Ахмадулина, Олжас Сулейменов, барды Булат Окуджава и Владимир Высоцкий... Этот перечень можно продолжать и продолжать, ибо эта плеяда была намного шире и включала в себя не один десяток больших талантов. По признанию того же Булата Окуджавы, столетие которого отмечается в этом году, «мы – дети своего времени, и судить нас надо по его законам и меркам. Большинство из нас не были революционерами, не собирались коммунистический режим уничтожить... Задача была очеловечить его».

К сожалению, рамки журнала не позволяют хотя бы в минимальной мере опубликовать шедевры поэзии времени, называемого теперь «бронзовым веком». И даже упомянутым блистательным именам мы можем отвести лишь по одному стихотворению. Но надеемся, что напоминание об этом уникальном явлении побудит у читателей, в особенности у самых молодых, оказавшихся сегодня далекостью от настоящей поэзии, тягу к тому прекрасному и высокому, широковещательному и интимному, исповедальному, экспериментальному, волнующему мысли и чувства, ко всему, что родила устами своих детей эпоха «оттепели». Она повлияла на все сферы творческой деятельности в СССР. Вслед за ней произошли невиданные перемены, на фоне которых мы теперь живем.

Сагин-Гирей

С. Шишко. Парк зимой. 1960

Евгений ЕВТУШЕНКО

Идут белые снега...

Идут белые снега,
как по нитке скользят...
Жить и жить бы на свете,
но, наверно, нельзя.

Чьи-то души бесследно,
растворяясь вдали,
словно белые снега,
идут в небо с земли.

Идут белые снега...
И я тоже уйду.
Не печалюсь о смерти
и бессмертья не жду.

Я не верую в чудо,
я не снег, не звезда,
и я больше не буду
никогда, никогда.

И я думаю, грешный,
ну, а кем же я был,
что я в жизни поспешной
больше жизни любил?

А любил я Россию
всею кровью, хребтом —
её реки в разливе
и когда подо льдом,

дух её пятистенков,
дух её сосняков,
ее Пушкина, Стеньку
и ее стариков.

Если было несладко,
я не шибко тужил.
Пусть я прожил нескладно,
для России я жил.

И надеждою маюсь
(полный тайных тревог),
что хоть малую малость
я России помог.

Пусть она позабудет
про меня без труда,
только пусть она будет,
навсегда, навсегда.

Идут белые снега,
как во все времена,
как при Пушкине, Стеньке
и как после меня,

Идут снега большие,
аж до боли светлы,
и мои, и чужие
заметая следы.

Быть бессмертным не в силе,
но надежда моя:
если будет Россия,
значит, буду и я.

Роберт РОЖДЕСТВЕНСКИЙ

Тихо летят паутинные нити...

Тихо летят паутинные нити.
Солнце горит на оконном стекле.
Что-то я делал не так;
извините:

жил я впервые на этой земле.
Я её только теперь ощущаю.
К ней припадаю.
И ею клянусь...
И по-другому прожить обещаю.
Если вернусь...

Но ведь я не вернусь.

А. Саfoxин. Городской пейзаж

В. Иванов. В кафе Греко. 1974

Андрей ВОЗНЕСЕНСКИЙ

Есть русская интеллигенция

Есть русская интеллигенция.
Вы думали – нет? Есть.
Не масса индифферентная,
а совесть страны и честь.

Есть в Рихтере и Аверинцеве
земских врачей черты –
постольку интеллигенция,
постольку они честны.

«Нет пороков в своем отечестве».
Не уважаю лесть.
Есть пороки в моем отечестве,
зато и пророки есть.

Такие, как вне коррозии,
ноздрей петербургской вздет,
Николай Александрович Козырев –
небесный интеллигент.

Он не замечает карманников.
Явился он в мир стереть
второй закон термодинамики
и с ним тепловую смерть.

Когда он читает лекции,
над кафедрой, бритый весь –
он истой интеллигенции
указующий в небо перст.

Воюет с извечной дурью,
для подвига рождена,
отечественная литература –
отечественная война.

Какое призванье лестное
служить ей, отдавши честь:
«Есть, русская интеллигенция!
Есть!»

Белла АХМАДУЛИНА

В тот месяц май, в тот месяц мой...

В тот месяц май, в тот месяц мой
во мне была такая лёгкость,
и, расстилаясь над землей,
влекла меня погоды лётность.

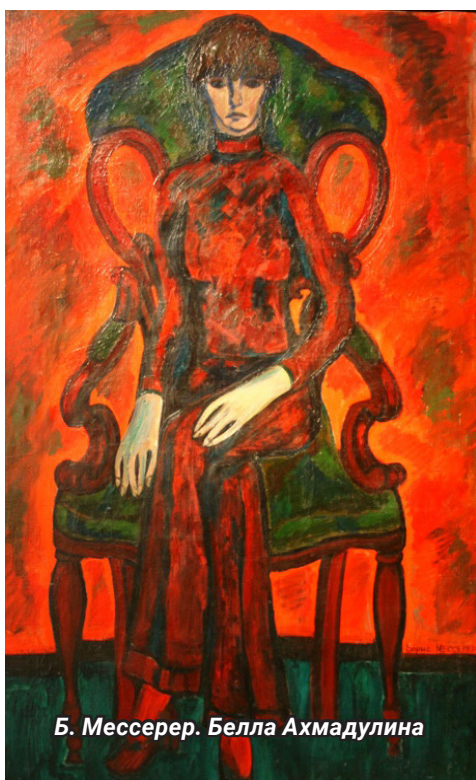
Я так щедра была, щедра
в счастливом предвкушенье пеня,
и с легкомыслием щегла
я окунала в воздух перья.

Но, слава Богу, стал мой взор
и пронизательней, и строже,
и каждый вздох и каждый взлет
обходится мне всё дороже.

И я причастна к тайнам дня.
Открыты мне его явленья.
Вокруг оглядываюсь я
с усмешкой старого еврея.

Я вижу, как грачи галдят,
над черным снегом нависая,
как скушно женщины глядят,
склонившиеся над вязаньем.

И где-то, в дудочку дудя,
не соблюдая клумб и грядок,
чужое бегаёт дитя
и нарушает их порядок.

Б. Мессерер. Белла Ахмадулина

Олжас СУЛЕЙМЕНОВ

Я таю над ночными городами...

Я таю над ночными городами,
Их много, молчаливых под крылом,
Огни земные, как снежинки, тают,
Годами оседая над огнём.
Я пролетаю над ночным Парижем,
Огни, всё те же рыжие огни!..
Упав лицом в иллюминатор, вижу,
Что мне знакомы издавна они.
Кизячными кострами полыхают
Приморские чужие города,
Над миром ночь как будто неплохая,
Огни мелькают,
Мечется радар,
Напоминая нам,
Что всё спокойно.
Глаза ночей, подкрашенные хной.
Внизу трава полита темнотой.
Костры. Луна. И ожидают кони
Пронзительного выкрика: «Атой!»

Я пролетаю,
Словно в планетарии,
Огни мерцают, тайны отдают.
Укутав ноги, женщины читают
При свете ламп историю мою.
Не всё бывает в жизни важно.
Огни. На все пути молчат огни.
Иллюминатор от тумана влажен,
Растут, сливаясь,
Частые огни.

*Т. Пастухова. Ленинград.
Дворцовая площадь. 1967*

В. Борзов. Вечер

Булат ОКУДЖАВА

Полночный троллейбус

Когда мне невмочь пересилить беду,
когда подступает отчаянье,
я в синий троллейбус сажусь на ходу,
в последний,
в случайный.

Полночный троллейбус, по улице мчи,
верши по бульварам круженье,
чтоб всех подобрать, потерпевших в ночи
крушенье,
крушенье.

Полночный троллейбус, мне дверь отвори!
Я знаю, как в зябкую полночь
твои пассажиры – матросы твои –
приходят
на помощь.

Я с ними не раз уходил от беды,
я к ним прикасался плечами...
Как много, представьте себе, доброты
в молчанье,
в молчанье.

Полночный троллейбус плывет по Москве,
Москва, как река, затухает,
и боль, что скворчонком стучала в виске,
стихает,
стихает.

О. Рабин. Неправда. 1975

Владимир ВЫСОЦКИЙ

Кони привередливые

Вдоль обрыва, по-над пропастью, по самому по краю
Я коней своих нагайкою стегаю, погоняю...
Что-то воздуху мне мало – ветер пью, туман глотаю...
Чую с гибельным восторгом: пропадаю, пропадаю!

Чуть помедленнее, кони, чуть помедленнее!
Вы тугую не слушайте плеть!
Но что-то кони мне попались привередливые –
И дожить не успел, мне допеть не успеть.

Я коней напою, я куплет допою, –
Хоть мгновенье ещё постою на краю...

Сгину я – меня пушинкой ураган сметёт с ладони,
И в санях меня галопом повлекут по снегу утром...
Вы на шаг неторопливый перейдите, мои кони,
Хоть немного, но продлите путь к последнему приюту!

Чуть помедленнее, кони, чуть помедленнее!
Не указчики вам кнут и плеть!
Но что-то кони мне попались привередливые –
И дожить не успел, мне допеть не успеть.

Я коней напою, я куплет допою, –
Хоть мгновенье ещё постою на краю...

Мы успели: в гости к Богу не бывает опозданий.
Так что ж там ангелы поют такими злыми голосами?!
Или это колокольчик весь зашёлся от рыданий,
Или я кричу коням, чтоб не несли так быстро сани?!

Чуть помедленнее, кони, чуть помедленнее!
Умоляю вас вскачь не лететь!
Но что-то кони мне попались привередливые...
Коль дожить не успел, так хотя бы – допеть!

Я коней напою, я куплет допою, –
Хоть мгновенье ещё постою на краю...

Новелла МАТВЕЕВА

Девушка из харчевни

Любви моей ты боялся зря –
Не так я страшно люблю.
Мне было довольно видеть тебя,
Встречать улыбку твою.

И если ты уходил к другой,
Иль просто был неизвестно где,
Мне было довольно того, что твой
Плащ висел на гвозде.

Когда же, наш мимолётный гость,
Ты умчался, новой судьбы ища,
Мне было довольно того, что гвоздь
Остался после плаща.

Теченье дней, шелестенье лет,
Туман, ветер и дождь.
А в доме событие – страшнее нет:
Из стенки вынули гвоздь.

В. Ватенин. Ревность. 1975

*Т. Тер-Гевондян.
Фотография на память. 1961*

Туман, и ветер, и шум дождя,
Теченье дней, шелестенье лет,
Мне было довольно, что от гвоздя
Остался маленький след.

Когда же и след от гвоздя исчез
Под кистью старого маляра,
Мне было довольно того, что след
Гвоздя был виден вчера.

Любви моей ты боялся зря.
Не так я страшно люблю.
Мне было довольно видеть тебя,
Встречать улыбку твою.

И в теплом ветре ловить опять
То скрипок плач, то литавр медь...
А что я с этого буду иметь,
Того тебе не понять.

В. Ватенин. Аллея в Нарве. 1968

Эдуардас МЕЖЕЛАЙТИС

* * *

Уж вечер близок. Лёд молчанья сломан.
Помиримся, обиды хороня...
И если я когда-нибудь хоть словом
тебя обидел –
ты прости меня.

Горит огонь зари. Берёза в поле
заламывает руки у огня...
И если иногда я руки с болью
заламывал –
то ты прости меня.

Вот робкий свет звезды какой-то ранней,
вот тишина спускается, звеня...
И если напоказ посмел я раны
твои нести –
то ты прости меня.

Вот девушки проходят по дороге,
парням на плечи головы клоня...
И если слишком часто мои строки
сочились кровью –
ты прости меня.

Всё ближе вечер. Даль в туман оделась.
Вот и погас последний лучик дня...
А мне всегда отдать тебе хотелось
лишь лучшее, что есть.
Прости меня.

И сходит вечер. Звёзды оживают,
льют тихий свет, покой земли храня...
И если я и в этот раз желаю
тебе добра лишь –
ты прости меня.

Перевод Б. Окуджавы

Л. Грибков. Автопортрет. 1961